

Д. В. Цалко

ПОНЯТИЕ «ЛИТЕРАТУРА» И СПОСОБЫ ЕГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Белорусский государственный университет, г. Минск;
dmitriy.tsalko.ii@gmail.com;
науч. рук. – Д. Л. Башкиров, канд. филол. наук, доц.

В статье рассматривается динамика понятия «литература» в историческом контексте и исследуется специфика постановки вопроса «что такое литература». Вопрос о литературе определяется как метавопрос, последний, в свою очередь, трактуется как составляющая метаязыка. Для разграничения понятий вводится определение «широкий» метавопрос, который рассматривается как открытие эпохи модернизма. Абстрагируясь от формы и содержания, «широкий» метавопрос отсылает непосредственно к акту высказывания. Ориентируясь на это положение, автор прослеживает подходы в понимании «литературы». Особое внимание уделено проблемным вопросам, формирующимся в XX в. на основе вопроса о литературе. Предлагается способ разрешения сложившейся проблемы.

Ключевые слова: метавопрос; метаязык; акт высказывания; социальный институт.

Вопрос о понятии «литература» отсылает нас к эпохе модернизма и насчитывает чуть более полутора сотен лет. По своему характеру он относится к ряду «широких» метавопросов, поскольку до XIX в. метавопросы, условно говоря, представляли собой *частичную* реализацию какого-либо вопроса или проблемы. Что это значит? Сравним два примера. Декарт как зачинатель традиции метавопроса, когда писал «Трактат о методе», задавался целью описать описание своего метода. Здесь мы видим конструкцию удвоения означающего: *описание описания* (подобное удвоение, собственно, и лежит в основе всякого метавопроса как составляющей метаязыка). Вот, что пишет Декарт: «...ибо поскольку действие мысли, посредством которой мы думаем о вещи, отличается от действия мысли, посредством которой мы осознаем, что думаем о ней, то они часто независимы одна от другой» [2, с. 263]. И они действительно независимы, ведь мыслить объект и мыслить мысль об объекте не одно и то же. Следующий пример – творчество Ницше. Одной из основных проблем для Ницше был вопрос морали. При рассмотрении этого вопроса Ницше говорит, что он не будет рассуждать в моральных категориях, т. е. в категориях ценностей, в категориях «добра» и «зла», как это было до него, а, напротив, будет говорить о морали как таковой, о ценности самой морали. Ницше пишет: «...нам необходима *критика* моральных ценностей, *сама ценность*

этих ценностей должна быть однажды поставлена под вопрос...» (курсив автора) [3, с. 306]. Здесь мы тоже замечаем удвоение означающего, однако специфика этого удвоения иная, чем у Декарта. Вопрос морали интересен для Ницше как основной вопрос философии. Таким способом намечается разница: если Декарт поставил в Новое время вопрос гносеологии, превратившийся впоследствии в раздел философии, то Ницше проблематизирует возможность философии как таковой. Рассуждая о философии, Ницше отступает на шаг от своего предмета.

Наш пример можно свести к тезису: Декарт и Ницше как традиция и метатрадиция – так определяется барьер между модернизмом и предшествующим временем.

В силу этого мы называем эпоху модернизма – эпохой «широкого» мета-вопроса. Однако здесь необходимо еще одно уточнение. Мыслить философию (по примеру Ницше) – это значит говорить не о форме философии и не о ее содержании, поскольку здесь мы концентрируемся сугубо на акте (как мы помним, Ницше говорит о возможности философии как таковой, о ценности ценностей). Соответственно, «широкий» мета-вопрос – это вопрос об акте высказывания, о высказывании высказывания, а не о самом высказывании. Так, поэма «Бросок игральных костей» С. Малларме, «Черный квадрат» К. Малевича, реди-мейды М. Дюшана – все эти и подобные им высказывания строятся через акт. Для этих произведений недостаточно оценки, они требуют толкования. Или другими словами, эти произведения выходят за пределы эстетики как традиционного понимания «красоты».

Вопрос о литературе, таким образом, – это детище эпохи модернизма и распознается он как вопрос самосознания постольку, поскольку, вопрошая подобным образом, мы задаемся вопросом не о содержании, а об акте высказывания; вопрос акта, как мы поняли, – это открытие эпохи модернизма, ее плоть и кровь. Более того, с вопросом «что такое литература» появляется наука о литературе, т. е. вырабатывается свой дисциплинарный язык.

Вопрос о литературе красной нитью проходит через всю эпоху модернизма. В 1959 г. Р. Барт писал, что «наш век (последние сто лет), быть может, будет назван веком размышлений о том, *что такое литература*» (курсив автора) [1, с. 132]. Вероятно, наиболее известное воплощение данный вопрос получил в одноименной работе Ж.-П. Сартра (1948 г.).

Во второй половине XX в. вопрос о литературе принимает несколько иной характер, это связано с изменением структуры социального общества

и в первую очередь – с изменением характера средств производства. Новая эпоха, получившая название постмодернизм (в терминологии Ф. Джеймисона), предложила этот вопрос с оглядкой на иную проблематику культуры, экономики, истории. В русле таких теоретических допущений, как «крушение больших нарративов» Лиотара, «конца истории» Фукуямы и проч., в последней четверти XX в. вокруг понятия о литературе начался новый спор, вылившийся в многолетнюю полемику.

Итак, зародившись в эпоху модернизма, так и не утратив актуальность во второй половине XX в., вопрос о литературе прошел ряд трансмутаций. На протяжении XX в. формировалась более расширенная проблематика, вытекающая из этого вопроса и сохраняющая свою актуальность до настоящего времени. В первую очередь, это вопрос о границах литературы: где начинается и где заканчивается литература и, соответственно, какие тексты считать литературными? Последний вопрос тесно связан с вопросом о литературном каноне, а именно: кем и по какому признаку отбираются тексты для канона? И, пожалуй, наиболее щепетильный вопрос в рамках литературоведения: как писать историю литературы?

На эти вопросы теории XX в. попытались дать свои ответы, создав различные подходы в понимании «литературы». При ближайшем рассмотрении эти подходы объединяются намерением найти некую родовую сущность данного понятия и сводятся к характеру или специфике вопрошания; это может быть рассмотрение литературы через игру или подражание, удовольствие или поучение, семантику или синтаксис и т. д. Однако сложно признать, что какой-либо из этих подходов предоставляет исчерпывающий ответ в определении литературы. Что и дало повод усомниться в них. Так, Ц. Тодоров, классифицируя наработки своих современников, в работе «Понятие литературы» (1973) определяет попытку поиска родовой сущности следующим образом: «Полагая уловить специфику литературы, теории на самом деле определили более широкое в логическом отношении понятие – ее „ближайший род“» [5, с. 390]. Поэтому Тодоров задается вопросом о самой возможности такого поиска. Заслуга Тодорова состоит в том, что он увидел противоречие в этом вопросе, однако она не единственная. В этой же работе исследователь делает следующее замечание: «Необходимо наконец признать, что в действительности есть лишь единое поле исследований, которое в настоящее время безжалостно разделено между семантиками и филологами, социо- и этнолингвистами, специалистами по философии языка и психологами» [5, с. 390].

Проблема понятия «литературы», как мы видим, вылилась в проблему систематического подхода.

Данную проблему исследователи попытались разрешить через призму социологии. При таком подходе литература понимается как социальный институт, т. е. форма нормализации или упорядочивания социальной жизни или какой-либо социальной деятельности. Этот подход развивался как в отечественной, так и в зарубежной теории. Среди отечественных исследователей стоит выделить работы Б. В. Дубина, Л. Д. Гудкова и А. И. Рейтблата; в западной – это в первую очередь П. Бурдьё, вокруг учения которого учредилось целое направление в социологии.

Принципиальным для этого подхода становится положение о понимании фигуры писателя, поскольку разъяснение этого положения позволит нам показать базовое отличие данного подхода от обозначенных выше.

Традиционное литературоведение выстраивает представление о литературе через фигуру писателя. Писатель рассматривается как единственный обладатель продукта своего труда, как безусловный творец и хозяин, от чьей воли зависит ход литературы. История литературы в этом отношении зачастую превращается в череду, сменяющих друг друга, творцов, а художественный текст выступает как концентрация сугубо индивидуальных усилий.

Понимание литературы как социального института отказывается от фигуры творца. Писатель выступает как один из производителей литературы. Так, Рейтблат предлагает модель, состоящую из: писателя, читателя, издателя, цензора, редактора, книгопродавца, библиотекаря, журналиста, критика, педагога и литературоведа [4, с. 14–15].

Социальный институт всецело принадлежит истории, это историческая форма, которая в каждый отдельный этап истории может менять свою конфигурацию. Причем загруженность элементов модели также может быть различной. Например, в 50–60-е гг. XIX в. чрезвычайно велика роль критика, поэтому понимание функций и задач литературы во многом зависит от него, критик в это время задает границы литературы, что не может не сказаться на художественных текстах.

Таким образом, мы видим, что проблема понятия «литература» не замыкается на художественном тексте. Напротив, спрашивая о том, что такое литература, мы оказываемся за пределами художественного текста. «Литература» не предстает как нечто цельное и непрерывное; мы не можем свести это понятие к отдельной родовой сущности или к какому-либо объективному понятию.

Литература – это сложный механизм, который задается как внешними условиями (факторами экономики, например), так и своей внутренней логикой (полем, в терминологии Бурдье). И это положение современное литературоведение не может игнорировать.

Библиографические ссылки

1. *Барт Р.* Литература и метаязык / пер. С. Н. Зенкина // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. Москва: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994. С. 131–132.
2. *Декарт Р.* Рассуждение о методе / пер. Г. Г. Слюсарева // Сочинения: в 2 т. Москва: Мысль, 1989. Т. 1. С. 250–296.
3. *Ницше Ф.* К генеалогии морали / пер. К. А. Свасьяна // Так говорил Заратустра; К генеалогии морали; Рождение трагедии, или Эллинство и пессимизм: сборник. 2-е изд. Минск: Попурри, 2001. С. 299–451.
4. *Рейтблат А. И.* Русская литература как социальный институт // Писать поперек: статьи по биографике, социологии и истории литературы. Москва: Новое литературное обозрение, 2014. С. 11–32.
5. *Тодоров Ц.* Понятие литературы // Семиотика: Антология / сост. Ю. С. Степанов. 2-е изд. Москва: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. С. 376–391.